

14 ОКТ 1973

«Просим опубликовать в «Круге знакомств» статью о жизненном и творческом пути безвременно ушедшего артиста П. Луспекаева. Встречая нередко с его героями, любимыми всеми нами, мы просим вас рассказать подробнее о том, что им создано в искусстве, о своеобразии его творческой индивидуальности», — пишут врач Н. Гамалей, инженер Н. Майзус, зав. лабораторией А. Лебедев из Ленинграда.

Сегодня по просьбе наших читателей мы публикуем статью кандидата искусствоведения И. Холмогоровой о театральном пути Павла Луспекаева.

ПОСЛЕДНЕЕ время о Павле Луспекаеве часто вспоминают как об актере кино. Он действительно много снимался — в «Капризовых сетях» и «Республике ШКИД» режиссера Полоки, в «Зеленых цепочках» на студии «Ленфильм» и особенно ярко, удачно, — в фильме «Белое солнце пустыни». Но сделать в кино нечто равное своему дарованию так и не успел. Актером кино Луспекаев только еще становился. Актером театра он был.

В течение шести лет в Ленинграде, на сцене Большого драматического театра имени М. Горького, играл артист, ни на кого не похожий, неповторимый в своей самобытности. Ему была свойственна редкая органичность сценического бытия. Его персонажи с первым же появлением на сцене рождали вокруг себя какую-то особую, им одним присущую атмосферу. И становилось совершенно ясно, откуда они пришли, какую жизнь прожили до нашего с ними знакомства.

Он мог показаться художником несовершенным. Представить себе Луспекаева, отошедшим в сторону от своего героя, отделенным от образа, трудно. В годы преобладания сдержанной, «остраненной» манеры актерского исполнения он приносил на сцену безудержную стихию эмоциональности, всю подлинность земного существования человека.

Красивые, прочно стоящие на земле герои Луспекаева жили жално, упенно, стремительно. Они не сомневались и не оглядывались назад, были чужды рефлексивной надломленности, нервозности и той подчеркнутой «интеллектуальности», что казалась приметой времени. Но их осязаемая достоверность, их удивительная конкретность, социальная и психологическая, были

достоверностью и конкретностью современности. И играл Луспекаев свои роли как актер середины века двадцатого, — расширяя рамки характерного до трагического, в трагическое привнося комедийное.

Многое сочеталось в актерской

природе Луспекаева. Патетичен и сдержан был его мудрый негр Галлен из «Не склонивших головы», взрывом драматизма звучал в «Четвертом» монолог Бонара, а Ноздрев из телевизионного спектакля «Мертвые души» пленял тонким смещением глупости и непосредственности, живости натуры... Особенно зрелыми и совершенными были две последние театральные роли — Черкун из горьковских «Варваров» и Нагульнов.

В спектакле, поставленном Г. Товстоноговым, инженеры, насаждавшие цивилизацию в варварском захолустье варварскими же способами, сами оказывались фигурами драматическими. Луспекаев играл не последовательное развенчание безвольной эгоистической личности, но крушение человека значительного, незаурядного.

Уверенным, стремительным шагом входил Черкун в спектакль и сразу же становился его центром, центром притяжения всех героев. «Какие у вашего супруга глаза обаятельные! И волосы... как огонь!», — говорила Надежда Монахова (Т. Доронина). Красивый и дерзкий, с огненно-рыжей шевелюрой, он казался факелом, ворвавшимся в стоячее болото городка Верхополяе.

Мы привыкли представлять себе горьковского Черкуна злым и жестоким, циничным и безвольным, опустошенным жизнью. На протяжении спектакля он возникал перед нами и таким. Но была в этом Черкуне и подлинная независимость, жажда деятельности, живая энергия. И еще он мог быть неожиданно мягким, как в сцене возвращения Анны. Он умел по-детски увлечься игрой через забор с Катей и заразительно смеяться.

В Черкуне—Луспекаеве сочетались цинизм и огромный чувственный дар наслаждаться жизнью, мальчишеское озорство и знание

жестокость и презрение, но и горькая усталость.

А изначальная деятельная природа брала все-таки свое. Понимающий, что не ему дано возродить к жизни сонную одурь Верхополяе, Черкун вмешивался, вмешивался грубо, в ничтожную жизнь его обитателей, пытался изменить их в веках отстоявшийся быт. И, не задумываясь над человеческой значительностью Надежды, над трагизмом существования Монахова, уничтожал то живое, что таилось здесь, пряталось под смешными, жалким одеждами. Так незаурядная жизненная энергия его не толь-

еще не пришло. А было время строительства нового молодого государства, время мужественного героизма и сурового аскетизма. Широкий и ладный, созданный для крестьянской жизни на богатой казачьей земле, Макар — Луспекаев отодвигал на будущее все простые радости существования. Подавлял в себе так называемые «личны чувства», скрывал, стыдился их, от стороннего глаза. И оттого жила в нем все время какая-то боль утраты; она становилась почти осязаемой в горьком прощании с Лушкой, блудной и любимой женой, когда склонял он перед ней голову в скорбном поклоне; превращалась в еле заметную тоску одиночества к концу спектакля.

А вот когда возникал радостный ритм сражения, тут уж во имя революции Макар Нагульнов мог вырваться за им же установленные рамки. И тогда в луче прожектора возникало его озаренное светом лицо, и, не успев подумать, в счастливом упоении, безоружный, в праздничной чистой белой рубашке, он бросался прямо на пулемет врага. Еще раз осознавалась точность шолоховского финала: Давыдов мог быть ранен, Макар Нагульнов мог быть только убит — вот так, наповал, разом...

Луспекаев не сыграл своего Отелло. В нем было все для шекспировского героя: огромный темперамент мысли и чувств, безошибочное ощущение трагической стихии и первозданная простота...

Немногое остается после смерти театрального актера. Есть ряд ролей в кино, есть блестяще сыгранные на Ленинградском телевидении и, к счастью, сохранившиеся на пленке Матвей Кожемякин Горького и гоголевский Ноздрев, но нет той совокупности всего сделанного, какая в полной мере могла бы дать представление о явлении — Павел Луспекаев.

...Уже два года нет его в живых. Ему было бы сейчас всего сорок пять лет.

И. ХОЛМОГОРОВА.

ЛЕНИНГРАД.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПОДЛИННОСТЬ АКТЕРА

зрелого человека. Он мог, не разобравшись, одинаково грубо отшвырнуть с дороги доктора Макарова и вора Притыкина, то вдруг ясно почувствовать: эти люди — жертвы тяготеющей над ними силы, силы всего российского жизненного уклада. И тогда в сцене с городским головой Редозубовым Черкун охватывали жалость и сострадание, и он неловко помогал подняться с колен беспомощному старику.

«Обыкновенным пошляком» Черкун Луспекаева не был. И не любил он ни одну из окружающих его трех женщин не потому, что был не способен к истинному чувству, а потому, что оказывался сложнее, глубже и умной рациональной Лидии, и цельной, страстной Надежды.

Интерес к Лидии, мимолетное увлечение Монаховой, так же как когда-то, вероятно, и женитьба на Анне, были искренними попытками излечиться от тоски. Тоска жила в глубине души Черкуна. «Вам и теперь нехорошо живется?» — спрашивала Лидия. «Теперь? Да... и теперь... — рассеянный ответ служил актеру ключом к трактовке образа. В его резких характеристиках «образцов местной фауны» звучали не только обычные для Черкуна

ко растрачивалась бесцельно, но и оборачивалась во зло.

Логика развития образа приводила актера к итогу горьковскому. Черкун тоже оказывался варваром, был, несомненно, влчен в самоубийстве Надежды Монаховой. Но в спектакле подчеркивалось и другое: он сам терпел поражение. В те несколько секунд сценического времени после рокового выстрела до конца спектакля, пока не опускался занавес, на наших глазах гасло, вероятно, навсегда, лучшее, что было в этом человеке.

После Черкуна была роль Нагульнова.

Удивительным свойством обладали герои Луспекаева: какое бы дело ни предлагала им жизнь, они почему-то всегда оказывались крупнее, размашистее этого дела, задыхались в его рамках. У Черкуна поле деятельности действительно было мизерным; а главное, он сам был человеком безвременья — бесцельным, не знающим, как, на что применять себя. Макара Нагульнова вдохновляла светлая и чистая революционная идея. Тесно в станице этому большому человеку с сияющими, радостными глазами — поистине нужна ему мировая революция.

Но время мировой революции